

С. Ф. ПЛАТОНОВ

Русская история

<Фрагмент>

<...> Характерен был манифест императора Александра I, обнародованный 12 марта: «Судьбам Вышнего угодно было прекратить жизнь любезнейшего родителя Нашего Государя Императора Павла Петровича, скончавшегося скоропостижно апоплексическим ударом в ночь с 11 на 12 число сего месяца. Мы, восприемля наследственный Императорский Всероссийский престол, восприемлем купно и обязанность управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей Августейшей Бабки нашей Государыни Императрицы Екатерины Великия, коя память нам и всему Отечеству вечно пребудет любезна, да по Ее премудрым намерениям шествуя, достигнем вознести Россию на верх славы».

Новая власть свидетельствовала, что она не солидарна с только что прекратившеюся властью императора Павла и желает вернуть страну к порядкам, которые он осуждал и преследовал. Отсутствие опал и гонений на участников переворота и милостивое увольнение от дел в июне 1801 года графа Палена еще более утверждали в мысли, что новый государь очень далек от режима императора Павла. Казалось, воскресает «бабушкин век» (выражение самого Александра) дворянской царицы Екатерины II. Однако такое заключение было бы несправедливо: в лице Александра для государства явился не подражатель Екатерины, а руководитель совсем нового склада и необычного типа, уразуметь который было очень трудно. Не понимая Александра, современники звали его «очаровательным сфинксом» и догадывались, что его разгадку надобно искать в его воспитании.

Личность Александра действительно становится нам понятна лишь тогда, когда мы вдумаемся в обстоятельства его воспитания и в его семейную обстановку. Судьба поставила его между бабушкой и отцом как предмет ревности и спора. Когда Александр родился,

Екатерина взяла его у родителей на свое собственное попечение и сама его воспитывала, называя его «мой Александр», восхищаясь здоровьем, красотой и добрым характером ласкового и веселого ребенка. Выросши бабушкиным внуком, Александр не мог, разумеется, уйти и от влияния родителей и понял, какая бездна разделяет большой двор Екатерины и скромный гатчинский круг его отца. Чувствуя на себе любовь и бабки и Павла, Александр привык делать светлое лицо и там и здесь. У бабки, в большом дворце, он умел казаться любящим внуком, а переезжая в Гатчину, он умел принимать вид сочувствующего сына. Неизбежная привычка к двуличию и притворству была последствием этого трудного положения между молотом и наковальней. Но умение менять по произволу свое настроение и прятать свои мысли и чувства могло бы стать для Александра удобной привычкой общежития, если бы эта привычка выработалась не в столь тяжелых условиях. В последнее десятилетие своей жизни Екатерина пришла к мысли о необходимости отстранить Павла от престола и воспользоваться законом 1722 года для того, чтобы передать престол мимо Павла Александру. В 1796 году она пыталась посвятить в это дело самого Александра, который и ранее, в 1793–1794 годы, мог уже ловить сторонние намеки на этот проект. На сообщение Екатерины Александр ответил ей ласковой благодарностью за доверие и благоволение; в то же время в письме к отцу именовал его пока не принадлежавшим ему титулом «величества», а за спинами их обоих говорил, что сумеет уклониться от передачи ему власти, и собирался даже «спастись в Америку». Надо вдуматься в дело, чтобы понять, какой ужас переживал Александр в своей душе за это время и как тяжела была для него необходимость двойтаться между Екатериной и Павлом и уметь казаться своим для обеих сторон. Воспитанная семьей двойственность и двуличие остались навсегда свойством Александра; он отлично входил во всякую роль, какую хотел играть, и никогда не внушал уверенности, что он в данную минуту искренен и прям. Сперанский называл Александра сущим прельстителем за умение овладеть собеседником, но именно Сперанский на себе мог познать, как неожиданно исчезало благоволение прельстителя и как призрачно бывало его расположение.

Но если жизнь рано вытравила в характере Александра искренность и непосредственность и сделала его двуличным, то умственное его воспитание сообщило двойственность его мировоззрению. Екатерина стремилась поставить воспитание Александра на высоту современных ей педагогических требований и желала вести внука в уровень с умственным движением века. Поэтому она и вверила его передовому воспитателю, швейцарскому гражданину Лагарпу. В ум-

ственной обстановке, созданной Лагарпом, Александр действительно шел в уровень с веком и стал как бы жертвой того великого перелома, который произошел в духовной жизни человечества на рубеже XVIII и XIX столетий. Переход от рационализма к ранним фазам романтизма сказался на Александре сменой настроений, очень характерною. В его молодых письмах находим следы политических мечтаний крайнего оттенка: он желает свободных учреждений для страны и даже отмены династического преемства власти; свою задачу он видит в том, чтобы привести государство к идеальному порядку силою законной власти и затем от этой власти отказаться добровольно. Мечтая о таком «лучшем образце революции», Александр обличает в себе последователя рационалистических утопий XVIII столетия. Когда же он предполагает по отказе от власти уйти в сентиментальное счастье частной жизни «на берегах Рейна» или меланхолично говорит о том, что он не создан для придворной жизни, — пред нами человек новых веяний, идущий от рассудочности к жизни чувства, от политики к исканию личного счастья. Влияние двух мировоззрений чувствуется уже в раннюю пору на личности Александра и лишает его определенности и внутренней цельности. Мы поэтому не удивимся, если будем наблюдать и во все эпохи жизни Александра ту же неопределенность и раздвоенность его умственного настроения и мало понятные переходы от религиозного равнодушия почти к религиозному экстазу, от освободительных стремлений — к реакции, от Сперанского — к Аракчееву и т. п. Человек переходной поры, Александр не успел приобрести твердых убеждений и определенного мирозерцания и по житейской привычке приноравливался к различным людям и положениям легко приноравливался к совершенно различным порядкам идей и чувств. Понимание основного свойства натуры Александра (именно его внутренней раздвоенности) и его господствующей манеры (именно склонности и способности носить личину) дает нам ключ к пониманию тех резких и частых перемен в системе и личном поведении Александра, какие удивляли современников и исследователей и заслужили Александру название сфинкса.

